

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

А.Н. Воробьев

**ЛЕВИАФАН ПОНЕВОЛЕ:
ЗАХВАТ ГОСУДАРСТВА
КАК СЛЕДСТВИЕ
РЕЖИМНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ**

Препринт WP14/2012/07

Серия WP14

Политическая теория
и политический анализ

Москва
2012

УДК 32.01
ББК 66.0
В75

Редактор серии WP14
«Политическая теория и политический анализ»
М.Ю. Урнов

В75 **Воробьев, А. Н.** Левиафан поневоле: захват государства как следствие режимных деформаций : препринт WP14/2012/07 [Текст] / А. Н. Воробьев ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 28 с. – 150 экз.

Представленная работа продолжает ряд исследований характеристик государства, которые являются сегодня в высокой степени актуальными. В статье уделяется внимание проблеме формирования комплексного подхода к рассмотрению феномена «захвата государства», на основе уже устоявшихся теорий. Проводится критический анализ подходов, выявление пределов использования понятия и, как результат, производится «очистка» понятия, что позволяет заново концептуализировать захват государства, выделяя конкретные стадии данного процесса и минимизировать нормативную компоненту. В заключительной части предлагается операционализация исследуемого явления и его соотнесение с доступом к власти и качеством институтов.

УДК 32.01
ББК 66.0

Ключевые слова: захват государства, государство, институты, власть, политический режим, политическая рента.

Vorobyev, A. N. Leviathan Against its Will: State Capture as a Consequence of Regime Deformations : Working paper WP14/2012/07 [Text] / A. N. Vorobyev; National Research University “Higher School of Economics”. – Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. – 28 p. – 150 copies (in Russian).

The presented article continues the series of studies of state characteristics, which are high in topicality at the moment. The attention is paid to the problem of developing the complex approach for examination of the “state capture” phenomenon, based on conventional theories. Author carries out the critical analysis of approaches, reveals the extent of usage of the term and as a result “clarifies” it. It allows making a revised conceptualization of the “state capture” phenomenon with distinguishing certain stages of the process and minimizing the normative aspect of the theory. The final part of study presents operationalization of the examined phenomenon and its correlation with the access to power and quality of institutions.

Key words: state capture, state, institutions, power, political regime, political rent.

**Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>**

© Воробьев А. Н., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

В данной статье предпринимается попытка концептуализации и операционализации понятия «захват государства» (state capture). нас интересуют разнообразные процессы, сопровождающие или являющиеся следствием режимных трансформаций в государстве, в результате которых (или по мере развертывания которых) с государством происходит «что-то не то». «Что-то не то» в данном случае имеет нормативную нагрузку (подразумевается, что происходит «что-то неправильное»). Мы стремимся избежать нормативных оценок и не погружаться в описание деталей «захвата государства», а руководствуемся целью не только прояснить исследуемый концепт, но и соотнести его, встроить в систему характеристик государства, одной из наиболее важных в которой является концепт государственности¹ («что делает государство государством»).

Зачем это нужно? Процессы демократизации, а особенно последняя, «третья волна», привели не только к появлению консолидированных демократий, но и разного рода недемократий – от очевидно авторитарных режимов до «демократий с прилагательными». С подобными различиями политическая наука пытается «справиться», предлагая альтернативные объяснительные модели, выдвигая структурные или процедурные факторы на роль «виновников» (или, напротив, залога) провалов (успехов) демократических транзитов.

Говоря, к примеру, о «третьей волне» демократизации², следует отметить, что она сопровождалась не только значительными институциональными и социальными изменениями, но и возникновением ряда различных негативных эффектов: ростом внутренних конфликтов (как это

---

¹ См., например, материалы предыдущих проектов: *Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г., Стукал Д.К.* Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // ПОЛИС (Политические исследования). 2012. № 2. С. 8–30; *Мелешкина Е.Ю.* Государственная состоятельность постсоветских территориальных политий // Сравнительная политика. 2011. № 2; *Она же.* Исследования государственной состоятельности: какие уроки мы можем извлечь? // Политическая наука. 2011. № 2; *Ilyin M.V., Meleshkina E.Y., Stukal D.K.* Two Decades of Post-Soviet and Post-Socialist Stateness // REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2012. Vol. 1. No. 2. P. 177–211.

² См.: *Huntington S.* The third wave: democratization in the late XX century. Norman: University of Oklahoma press, 1992; *Sorensen G.* Democracy and democratization: Processes and prospects in a changing world. 2nd ed. Boulder: Westview Press, 1998. xv; *Schneider C., Schmitter P.* Liberalization, transition and consolidation: measuring the components of democratization // Democratization. Vol. 11. No. 5. 2004. P. 59–90.

можно было наблюдать в Азербайджане, Таджикистане, Сербии и Хорватии), ограничением политической конкуренции (Беларусь и Казахстан), ростом коррупции и нестабильностью институтов.

Одним из негативных аспектов изменения государственных институтов и режимных трансформаций может быть рост коррупционных проявлений, в особенности при отсутствии своевременных ограничительных мер. Наиболее опасной областью здесь является именно политическая коррупция³, позволяющая форматировать политическую конкуренцию, ограничивать доступ к власти и использовать государство как инструмент получения политической ренты для ограниченных групп – что является в определенной степени захватом государства⁴. Несомненно, ограничивать этот концепт только политической коррупцией и приравнивать их друг к другу будет неуместным.

Важно зафиксировать и еще одну проблему: в ряде исследовательских работ термин «захват государства» (*state capture*) принимается «по умолчанию» без выделения ключевых характеристик концепта, при этом операционализация концепта представляется незаконченной. То есть мы имеем дело с использованием метафоры. В целом, обобщая, под ним понимается негативное (и деструктивное) для государства явление. Выделить особенности данного процесса, его аспекты и практики – непростая задача. С другой стороны, можно выделить и попытки редукционизма. Так, понимание *state capture* как исключительно коррупционного проявления и выстраивание аргументации с опорой на исследования со значительной долей ценностных ориентаций⁵ чревато риском излишней генерализации, приводящей к «концептной натяжке»⁶, и в то же время упрощения.

---

³ См.: *Political Corruption in Transition: A Skeptic's Handbook* / ed. by St. Kotkin, A. Sajó. Central European University Press, 2002.

⁴ Так, это отмечают авторы доклада российского отделения Transparency International по итогам выборов 2003 г. в Государственную думу.

⁵ Например, в исследованиях Transparency International – Индексе восприятия коррупции (*Corruption perceptions index*), опросе BEEPS (*Business Environment and Enterprise Performance Survey*), проводимом Европейским банком реконструкции и развития.

⁶ *Sartori G. Concept Misformation in Comparative Politics // The American Political Science Review. 1970. Vol. 64. No. 4.*

State capture: понятие и сущность концепта

Понятию «захват государства» приписываются крайне различающиеся определения, как это можно констатировать из первичного знакомства с подходами. В такой ситуации в первую очередь необходимо произвести «очистку» понятия, отделить от него лишние практики, соотнеся его исключительно с реальными⁷.

Прежде всего от него необходимо отделить понятие «захват власти», при котором с помощью силовых действий к управлению приходит нелегально, но иногда легитимно группа единомышленников, что, как правило, влечет за собой радикальное перестроение институциональной системы или так называемые «дискретные» институциональные изменения⁸. Под этим явлением мы также не будем понимать физический захват территории признанного международным сообществом государства в результате внешней агрессии, либо частный случай данного процесса, именуемый «скупкой государства», что являет собой один из вариантов перевода оригинального термина на русский язык.

Логика state capture не подразумевает применения *силовых средств* для достижения поставленных захватчиком (фирмой-захватчиком) целей, данный процесс является *ненасильственным изменением институциональной системы, а именно системы перераспределения ресурсов, а также правоприменения, и осуществляется за счет механизмов экономического и политико-административного характера, что обуславливает связь данного концепта с феноменом коррупции*⁹. Наиболее точно данный концепт вписывается в логику порядков ограниченного доступа¹⁰, представленную Д. Нортгом, при котором формирование нового режима демократического характера невозможно лишь путем импорта идеальных демократических институтов и их адаптации к существующему контексту.

---

⁷ См.: Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 18.

⁸ North D. Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

⁹ Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Op. cit.; Нисневич Ю.А., Стукал Д.К. Многоликая коррупция и ее измерение в исследованиях международных организаций // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С. 83–90.

¹⁰ Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С. и др. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что захват государства в дальнейших исследуемых явлениях рассматривается исключительно как концепт, в котором присутствует нормативная компонента, он признается *негативным* процессом, деструктивным для функционирования институциональной системы государства. Однако выделяемые в подходах признаки захвата (или скупки) мы можем найти и в относительно стабильных монархиях, вожествах, городах-государствах¹¹. Так, в последних государство отождествлялось с собственностью. Данный факт, как следует из истории, не приводил к дисфункциям институциональной системы, а, скорее, позволял консолидировать политическую волю. Таким образом, мы хотим отметить, что захват государства может осуществляться и в *интересах его сохранения*, что позволяет нам минимизировать нормативную компоненту.

В связи с этим мы предлагаем выделить ядро концепта, в которое будут включаться факторы *аккумуляции ренты и использования государства как инструмента в интересах определенного индивида или их группы*.

Возвращаясь к существующим теориям, необходимо констатировать и *смещение подходов*: активная фаза разработки подходов в начале 2000-х годов позволяет нам выделить два направления к определению этого феномена: разработку теории на микроуровне¹², в которой захват государства рассматривается как деятельность фирм-агентов для максимизации их собственной прибыли. В некоторых случаях данный процесс именуется «скупкой государства»¹³. Вторым направлением, что очевидно, является макроуровень¹⁴, в котором акцент смещен на институциональные изменения, однако их характер не является радикальным, скорее, можно говорить об искажении институциональной системы.

На сегодняшний день можно выделить два устоявшихся подхода политэкономического характера (хотя теория захвата государства продолжает признаваться достаточно молодой и не сформировавшейся в полной

---

¹¹ См.: *Van Kreveld M.* Расцвет и упадок государства. М.: Мысль. С. 22–50, 159–234.

¹² Данный подход применяется (хотя и не в «чистом» виде) Всемирным банком и Европейским банком реконструкции и развития.

¹³ *Нисевич Ю.А., Стукал Д.К.* Указ. соч.

¹⁴ См., например: *Omelyanchuk O.* Explaining state capture and state capture modes: the cases of Russia and Ukraine. Project in making. Budapest, CEU, 2001; *Bruz L.* Market making as state making: constitutions and economic development in post-communist Eastern Europe // *Constitutional political economy*. 2001. No. 13. P. 53–72.

мере): Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития, а также макроподход, во многом разработанный Л. Бруштом. Первый подход сфокусирован на поведении фирм по отношению к государству, их деятельности по максимизации прибыли. Этот подход мы будем называть микроподходом. Подход Брушта ориентирован на рассмотрение «предложения захвата», и его аналитической единицей становится государство. Его мы будем называть макроподходом.

Захват государства: микроэкономический подход

Захват государства в рамках данного подхода¹⁵ рассматривается как одна из форм коррупции, при которой экономические агенты стараются получить доступ к влиянию на регулирование общественных отношений с целью получения собственной выгоды. «Способность фирм формировать или воздействовать на формирование базовых правил игры (включая законы, нормативные правовые акты, решения) с помощью частных платежей публичным должностным лицам и политикам»¹⁶ – так определяется данное понятие в рассматриваемом подходе.

Данный подход предлагает восприятие захвата государства как одного из измерений многомерного феномена нелегального влияния на государственную систему. В данном подходе теневые практики разделены на три группы¹⁷:

- Непосредственно *захват государства* – процесс, связанный с форматированием правил игры за счет незаконных и непрозрачных платежей лицам, принимающим решения. Таким образом, публичные

---

¹⁵ Наиболее часто цитируемым источником в данном случае является статья “Seize the state, seize the day”, но ряд деталей более конкретно раскрывается и в последующих статьях. См., например: *Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. 2000. World Bank Policy Research Working Paper. No. 2444; Hellmann J., Kaufmann D. Confronting the challenge of state capture in transition economies // Finance & Development. International monetary fund. 2001. Vol. 38. No. 3; Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. et al. Measuring governance, corruption and state capture. Policy research working paper. No. 2312. World bank, 2000.*

¹⁶ *Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Op. cit. P. ii.*

¹⁷ Стоит отметить, что понятие захвата воплощается здесь как зонтичное макропонятие, включающее в себя три типа теневых практик, а также как микропонятие, как один из типов этих практик.

должностные лица, получившие платеж, могут изменить принимаемое государственное решение в пользу плательщика.

- *Административная коррупция* – нелегальные отношения между экономическим агентом и чиновником, позволяющие избирательно влиять на правоприменительные практики в отношении фирмы-захватчика путем незаконных и непрозрачных платежей.

- *Влияние* – возможность влияния на формирование правил игры без помощи прямых незаконных и непрозрачных платежей, то есть (об этом авторы не упоминают) за счет *легальных способов*.

Следуя логике авторов, по объекту захвата можно выделить различные органы власти, в юрисдикции которых находятся инструменты регулирования потенциальной выгоды «захватчиков». При этом, что вполне соответствует рациональной логике, захват будет производиться в точках наибольшей концентрации экономической власти, то есть в тех органах, чьи полномочия неоправданно широки.

Главной целью проводимой серии исследований¹⁸ являлся поиск мер по сдерживанию и, соответственно, диагностированию степени захвата государства. Авторами также выявлялись источники захвата и модели их поведения, а также эффекты, возникающие вследствие проявления изучаемого феномена. Была проверена и гипотеза, важная для нашего исследования, о существовании связи между уровнем *гражданских свобод и возможностями сдерживания захвата государства*. Однако линейная зависимость появлялась лишь в двух странах из выборки 2000 г. – в Белоруссии и Узбекистане, в остальных странах корреляционный анализ продемонстрировал зависимость в виде обратной параболы (авторы именовали ее «перевернутой U») (см. Приложение 1). В остальных случаях расширение сферы гражданских свобод не могло компенсировать потерю централизованного контроля, существовавшего при прежнем режиме.

Однако этот подход имеет несколько лагун, не позволяющих использовать его в полной мере для нашего исследования. В первую очередь, это специфика понимания захвата государства, который сводится лишь к мерам сугубо экономического и нелегального или криминального ха-

---

¹⁸ Business Environment and Enterprise Performance Survey (BEEPS) . URL: <http://www.ebrd.com/russian/pages/research/economics/data/beeps.shtml> (дата обращения: 30.11.2012); см. также *Hellman J., Jones G., Kaufmann D. et al. Measuring Governance, Corruption, and State Capture. World bank. Policy research working paper. No. 2312. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un-dpadm/unpan044602.pdf>*.

рактера. Подходу присущ определенный рода универсализм, уравнивающий позиции по доступу к власти и монополий, и новых фирм, что выражается в «срезовом» характере исследования, в котором фиксируется ситуация лишь на определенный момент времени, а сам исследуемый процесс теряет динамику. Представленная модель исследования вписывается в логику критики Барри Хиндесса, укорявшего исследователей за излишнее пристрастие к идеологии неолиберализма и, как следствие, неясное навязывание ценностей международных институтов национальным государствам. Но, пожалуй, главным недостатком выработанного подхода является его опосредованный характер, в то время как наибольший интерес представляют характеристики процесса захвата государства, а также упомянутая ранее динамика процесса.

Следует отметить важность микроэкономического подхода, позволившего проверить значительное количество гипотез и выявить ряд эффектов, однако здесь же кроется и одна из слабостей данных исследований¹⁹: опора на исследование BEEPS позволяет зафиксировать инциденты «скупки» государства малыми и средними предприятиями, в то время как компании-монополисты остаются за пределами внимания.

Предложение захвата: макроэкономический подход

*Подход Брушита*²⁰ основан на понимании захвата государства как сбой в системе представительства общественных интересов. Если система представительства позволяет его, представительство, монополизировать, то это приведет к тому, что определять цели деятельности (общественные блага) будет группа индивидов, руководимая частными интересами, что является прямой отсылкой (и Брушт об этом упоминает) к логике делегативной демократии О'Донелла²¹. В случае же, если система «гетерархична» (то есть существует несоподчиненное отношение элементов системы), то есть система представительства обеспечивает сбалансированное наполнение институциональной системы, где институты взаимозависимы, а ни одна из ветвей власти не имеет больше полномочий, чем

---

¹⁹ Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Op. cit.

²⁰ См.: Bruszt L. Heterarchies and developmental traps // Brazilian journal of political economy. 2000. Vol. 21. No. 1.

²¹ O'Donell G. Delegative democracy // Journal of democracy. 1994. No. 5 (1). P. 55–69.

остальные, то это позволяет ликвидировать монополию на определение общественных благ. Или, если говорить в терминах захвата государства, минимизирует возможность использования властных средств для личного или корпоративного обогащения.

Важно отметить, что Брушт делает акцент на исследовании предложения (supply) захвата государства²². Его анализ сфокусирован на тех государственных институтах, которые сконфигурированы таким образом, что позволяют осуществить захват. То есть политическая и экономическая власть сконцентрирована в определенных точках. Как правило, это подразумевает дисбаланс полномочий, большинство которых сконцентрировано в руках исполнительной власти²³.

Этот подход отличает также наличие «срезового» характера: Брушт акцентирует свою работу на возможности существования предложения захвата со стороны государства, но не указывает механизмы захвата²⁴, а также не продолжает макроэкономическую логику, описывая сторону спроса на захват государства. Косвенные упоминания, тем не менее, можно найти в его кейс-стади, посвященном России²⁵.

Четыре «лица» захвата государства

Тем не менее рассмотренные подходы недостаточно концептуализируют понятие захвата государства. Следует, во-первых, отметить особенность употребления заимствованного термина *state capture* – если подразумевать под ним исключительно стремление к получению экономической (материальной) выгоды, то корректнее будет употреблять термин «скупка государства», которым оперирует Всемирный банк (ВБ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и аффилированные с ними исследователи (Кауфманн, Джонс, Хелманн).

Подход ВБ и ЕБРР представляется в определенной степени смешанным, так как, с одной стороны, полностью вмещает в себя концепт «скуп-

---

²² *Brust L.* Market making as state making: constitutions and economic development in post-communist Eastern Europe // *Constitutional political economy*. 2001. No. 13. P. 53–72.

²³ *Bruszt L.* Heterarchies and developmental traps...

²⁴ Критика Брушта хорошо описана в работе А. Омелянчука (*Omelyanchuk O.* Explaining state capture and state capture modes: the cases of Russia and Ukraine. Project in making. Budapest, CEU, 2001).

²⁵ *Bruszt L.* Heterarchies and developmental traps...

ки государства», но с другой стороны, процесс изменения института прав собственности, о котором говорится, не может быть избирательным, то есть он затрагивает сложившуюся правовую систему, что является уже частью полноценного захвата государства.

В целом, резюмируя указанные выше подходы, следует констатировать проблему размытости концепта²⁶, на которой мы подробно останавливались ранее. *Захват государства понимается сугубо в институциональной логике, однако разница в подходах и их смешение (в данном случае уместно говорить о смешении старого и нового подходов) приводят к терминологической и методологической путанице в исследовании данного феномена.*

Итак, мы можем выделить три главных смысла понятия state capture (два из которых были разобраны ранее):

1. Скупка государства – непрозрачные платежи публичным должностным лицам с целью влияния на формирование правил игры (ВБ и ЕБРР).
2. Нарушение системы представительства интересов в пользу частных или корпоративных интересов (Л. Брушт).
3. Захват государства как неолиберальный штамп, призванный обратить внимание на проблемы, существующие в государстве и, как следствие, потребовать от правительств объяснений (оправданий) или конкретных мер по разрешению сложившейся ситуации. Применение концепта полностью соответствует системе критики деятельности международных организаций Б. Хиндесса. При таком использовании понятия отпадает необходимость в его строгой концептуализации и операционализации, давая свободу в диагностике проблемы и авторам, и целевой аудиторией, и, что немаловажно, самому государству, которому наличие этой проблемы приписывается.
4. Захват как метафора, в которую включается понимание захвата как негативное (и деструктивное) для государства явление, позволяющее использовать его ресурсы в интересах определенных групп. Как правило, такой термин может применяться для исследования отдельных сфер деятельности государства²⁷.

---

²⁶ В данном случае мы говорим не о концептной натяжке, а о нечеткости и размытости изначальной концептуализации понятия.

²⁷ См., например, исследование, посвященное сектору здравоохранения в Румынии (Matei A., Popa F. “State capture” versus “administrative corruption”. A comparative study for the public health service in Romania. MPRA, 2009).

Мы, в свою очередь, хотим акцентировать внимание на выработке наиболее реалистичной модели, на необходимости создания концепта, на основе существования стремления к *максимальному* контролю экономической и политической систем, с целью не только получить конкурентное преимущество, но и доступ к системе перераспределения ресурсов с целью извлечения ренты²⁸ или построения системы grabbing hand state, либо же возможной стабилизации и ограничения насилия, то есть построения системы ограниченного доступа – именно в данном случае мы и будем говорить о «захвате государства».

Частым является предположение о связи захвата государства с феноменом коррупции, при этом отмечается, что захват государства является одной из ее составляющих. В таком подходе, учитывая многоликость коррупции²⁹ и сложности ее понимания и исследования, захват государства не может быть полностью встроено в логику процессов режимной трансформации (или деформации) государства, его институциональной системы. Этот концепт, вероятно, будет отдельно стоящим и сможет служить лишь для целей узкопрофильных исследований или привлечения внимания к проблемам институциональной системы.

Скорее, следует говорить о понимании захвата государства как одного из последствий деформации институциональной системы, при котором использование власти не нацелено на достижение общего блага и устойчивого развития. Причинами такой деформации может являться и неконтролируемый рост коррупции, и подавление реальной политической конкуренции³⁰, и «закрывающая открытость власти»³¹.

Тем не менее существование достаточно детально разработанных подходов не позволяет пренебречь ими, либо обвинить их в «конвенциональ-

---

²⁸ *Таллок Г.* Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.

²⁹ См., например, *Political corruption. Concepts and contexts (3rd ed.)* / ed. A.J. Heidenheimer, M. Johnston. USA, Transaction publishers, 2005.

³⁰ *Нисневич Ю.А.* Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительно-институциональный анализ // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 511–520; *Он же.* Свобода и конкуренция или коррупция?: Препринт WP14/2009/01. М.: ГУ ВШЭ, 2009.

³¹ *Монахов В.Н.* Закрывающая открытость власти: грани сопряжения. Доклад в проектно-учебной лаборатории антикоррупционной политики НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/data/.pdf>.

ности», «отделении от жизненного опыта»³², а подводит нас к мысли о необходимости разделения данного феномена по процедурному признаку, что позволит выделить два процесса:

5. *Захват-процесс (state capturing)* – экономическая и политическая деятельность заинтересованных групп лиц (в том числе фирм) по получению доступа к государственной системе в целях корректировки или избирательного применения правил игры для максимизации выгоды. Этот процесс в «срезовом» восприятии может характеризоваться и изначально кажущимися благоприятными эффектами, к коим в первую очередь следует отнести «благотворную коррупцию»³³, закрепление прав собственности (избирательного характера).

6. *Захват-состояние (state capture)* – сложившаяся в результате успешного процесса ситуация, характеризующаяся деформацией системы представительства общественных интересов, подавлением политической конкуренции, неконтролируемым ростом коррупции, а также нефункционирующими или деформированными механизмами общественного контроля и противодействия коррупции. В данной ситуации государство начинает работать как источник дохода в интересах групп, обладающих доступом к власти, которые изменяют цели его деятельности в сторону получения максимальной ренты. Долгосрочных метасценариев в такой ситуации может быть два: *движение к консолидации*, в рамках которой может быть сдержано насилие, проведены реформы, либо произведена смена власти, после которой реформы могут быть проведены с учетом предыдущих ошибок. Или *движение к дезинтеграции*, в рамках которого институциональная система, искаженная систематическими коррупционными проявлениями, перестанет корректно функционировать, а территория государства перестанет быть контролируемой в полной мере.

Кроме данного разделения *по процедурному и содержательному признакам* необходимо учесть и второе измерение – по характеру мер захвата, в котором мы можем выделить *экономическую и политическую компоненты*.

---

³² Ильин М.В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М.: РОССПЭН, 1997. С. 22–24.

³³ Гевелинг Л.В. Клептократия. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001.

Механизм захвата

Начиная говорить о механизме захвата, самой слабо проработанной части данной теории, критику которой мы предлагали выше, следует отметить, что описание процесса захвата государства было приведено Ю. Нисневичем³⁴ в рамках попытки выстраивания логичного и непротиворечивого концепта коррупции в многообразии его проявлений. Приведенная им логика двумерного процесса захвата государства (политического и экономического характера) позволяет заполнить, но не в полной мере, сложившуюся концептуальную нишу. В представленной логике захват государства подразделяется на два направления: политическая коррупция (состоящая из электоральной коррупции и приватизации власти) и экономическая коррупция (представленная бюрократической коррупцией и скупкой государства).

В целом данная модель интегрирована в верхушечную (*grand*) коррупцию. Однако в этой схеме логика захвата не представляется окончательно ясной: во-первых, присутствует терминологическая путаница с понятием «захват-сартуге», во вторых, использование политической коррупции на начальном этапе сведено исключительно к электоральной коррупции, определяемой как «создание преимуществ представителям правящих политических сил и групп, подавление их политических конкурентов и искажение свободного волеизъявления граждан посредством противоправного использования в ходе избирательного процесса государственных структур, их должностных лиц и ресурсов».

Оглядываясь на исторический опыт захватов государства³⁵, можно отметить, что действия политического характера не всегда являлись последствиями упоминаемой электоральной коррупции: «предложение» захвата могло стать следствием отсутствия, например, процесса люстрации (под который попадают не только выборные должности) в транзитных государствах, дисбалансом полномочий различного характера³⁶ в

³⁴ Нисневич Ю.А. Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительно-институциональный анализ // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 511–520.

³⁵ См., например: *Matei A., Popa F.* “State capture” versus “administrative corruption”. A comparative study for the public health service in Romania. MPRA, 2009; *Begovic B.* Corruption, Lobbying and State Capture. CLDS Working Paper No. 0106, 2005; *Yakovlev E., Zhuravskaya E.* State Capture: From Yeltsin to Putin. CEFIR, NES, 2006.

³⁶ Дискреционного, возможностей локального нормотворчества, избирательной трактовки положений законодательства.

ветвях власти. То есть кроме выборных должностей большую роль в «политической» компоненте может играть система государственной бюрократии, которая при отсутствии ограничений может фактически остаться неизменной после процесса режимной трансформации, что приведет к установлению «старых», неформальных, но наиболее устойчивых правил игры.

Кроме того, мы еще раз хотим акцентировать внимание на возможности захвата государства в рамках построения порядков ограниченного доступа³⁷ с целью сдерживания *возможной эскалации насилия*, либо же попытку использовать государство как инструмент с целью поддержания в нем порядка³⁸ за счет скупки должностей и частного искажения принципов конкуренции с целью сохранения государства и (или) государственного режима.

Поэтому мы рассматриваем политическую компоненту захвата не только как получение выборных должностей, что позволяет легитимировать (до определенного момента) деятельность по получению ренты, но и как проникновение заинтересованных акторов в бюрократические структуры.

Важно также понимать, что на определенном этапе расширения прав и свобод деятельность по захвату государства в отсутствие «предложения» захвата может не быть систематической – это лишь разовый поиск мер по повышению конкурентоспособности фирмы. Сюда же можно отнести и представленную в микроподходе административную коррупцию, которая позволяет разово застраховать фирму от определённых санкций. Тем не менее, если «предложение» захвата ненулевое и конфигурация государственных институтов и ресурсов актора-захватчика позволяет совершать данные манипуляции на регулярной основе, мы можем говорить о начале процесса.

Данный процесс начинается с двух направлений: политического и экономического, при этом они не являются связанными. С одной стороны, действуют фирмы-скупщики. Как правило, это новые фирмы, выходящие на рынок. В представленной институциональной логике скупка государства – механизм не *регулирования конкуренции*, а *ее силового формирования и ограничения*, а также способ *избирательного закрепле-*

---

³⁷ См.: Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011; Норт Д., Уоллис Дж., Уэбб С. и др. Указ. соч.

³⁸ См.: Ван Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: Ирисэн; Мысль, 2011. С. 159–234.

ния прав собственности. Так как в нортонской логике спецификация прав собственности затратна (за счет того, что это – преференция государства), то такой инструмент позволяет снизить институциональные издержки для данных фирм. С другой – политические акторы, стремящиеся к наращиванию влияния, то есть получению политической выгоды.

С каждым последующим этапом экономическое и политическое начинают все больше сближаться, до момента захвата государства – полного слияния этих двух сфер с подменной цели и деятельности их существования.

Затем, если ограничения введены не были, а «предложение» захвата существует, то начинается *первая стадия* «захватывания» (capturing) государства. С экономической точки зрения это выражается в начале форматирования конкуренции через влияние на формирование правил игры либо с помощью прямых платежей, либо через теневой лоббизм³⁹. Политическая сфера искажается в пользу удержания власти, которое может осуществляться с помощью манипуляции избирательными технологиями, разрастания nepotизма, нарушения механизмов ротации элит. Основной отличительной чертой данного периода является проникновение экономического в политическое, обусловленное слабостью институтов и недостаточной их спецификацией. «Все, что не запрещено – разрешено» – эта максима становится основой логики захвата государства.

Подчеркнем, что первый этап активного захвата может показаться обманчиво благоприятным для государства: в этот момент резко увеличивается активность фирм, происходит закрепление прав собственности, разворачивается система коррупции, которая считается смазкой деловых процессов⁴⁰. Фирмы, которые не могли достичь значимой позиции в сво-

---

³⁹ Крайне важно отметить, что сам по себе лоббизм, законодательно регламентированный, еще не является предпосылкой захвата государства. Только в отсутствие механизмов гражданского контроля, подотчетности и справедливого суда с помощью лоббизма могут быть приняты жизнеспособные «захватнические» решения.

⁴⁰ Эффект «благотворной коррупции», или коррупции-«смазки», является сформировавшимся концептом, который, по мнению некоторых исследователей, является стимулом к развитию экономики и инструментом поддержания рыночной активности. В своей статье “Does ‘Grease Money’ Speed Up the Wheels of Commerce” Д. Кауфманн и Ш.Д. Вай на примере игрового моделирования опровергают мнение о существовании такого положительного эффекта в долгосрочной перспективе (Kaufmann D., Wei S.J. Does “Grease Money” Speed Up the Wheels of Commerce. Policy research working paper No. 2254. World bank, 1999).

ей сфере, так как не были ориентированы на инновации и были созданы относительно недавно, могут использовать свой шанс для упрочения позиции на рынке.

Но государство, открытое для всех платежеспособных заинтересованных лиц, не может долго существовать из-за опасений тех же скупщиков и захватчиков потерять свою привилегированную позицию. Этим обусловлен и переход к следующей стадии захватывания: сокращению доступа к власти, жесткого ограничения конкуренции, страховки от рисков быть пойманным наравне с расширением деятельности.

Вторая стадия захватывания представляет собой симбиоз экономического и политического аспектов данного феномена, нацеленный на закрепление и систематизацию разовых проявлений. Данный процесс в первую очередь характеризуется разрастанием коррупции во всех ее проявлениях, в особенности верхушечной коррупции. При этом в самой структуре коррупции начинает доминировать нематериальная компонента, то есть происходит разрастание коррупции политической, наиболее сложно отслеживаемой. Также этот процесс характеризуется новым этапом изменения правил игры: в ситуации системной коррупции базовые правила игры будут более специфицированы, чем ранее, с тем, чтобы ограничить и усложнить доступ другим фирмам, однако в этих правилах появляется коррупционная компонента⁴¹.

Другие акторы, ранее не получившие доступ к механизмам повышения конкурентоспособности, тем не менее могут его получить, но за счет все больших коррупционных платежей⁴². На фоне этих процессов подрывается доверие к органам государственной власти, это также привлекает внимание международного сообщества, инициируя проявление «третьего лица» захвата⁴³. В целом данный период наиболее выгоден захватчикам «первого поколения», получившим доступ, обладающим административным ресурсом, имеющим налаженные сети взаимодействия, страховку от рисков и, как следствие, имеющим возможность получать ренту. Здесь нельзя не провести аналогию с логикой Г. Таллока, в рамках которой монархия имеет заложенный в себя механизм деградации и сме-

---

⁴¹ Воробьев А.Н. Антикоррупционные инструменты в России: пути совершенствования // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М.: ИНИОН, 2012. Вып. 7. Ч. 2. С. 129–135.

⁴² Kaufmann D., Wei S.J. Op. cit.

⁴³ См.: Transparency International warns that Jamaica faces state capture. URL: <http://t-bih.org/en/1419/transparency-international-warns-that-jamaica-faces-state-capture/>.

ны династий⁴⁴. Так же и захватывание государства, являющееся, казалось бы, относительно стабильным периодом, при котором к власти приходят или становятся ей лояльными акторы с проактивной позицией, стремящиеся к максимизации выгоды и приносящие определенного рода блага, рано или поздно приводит к созданию малоэффективной и закрытой системы. Создание этой системы находится в логике неконтролируемого захватывания государства. Фирмы и акторы-скупщики и захватчики, используя данный способ как возможность более быстрого развития бизнеса, вхождения в среду несовершенной конкуренции, путем ее, конкуренции, форматирования, осознают, что наличие доступа к захвату может быть использовано против них, либо пошатнуть их позицию. Таким образом, создается порочный круг, при котором начинают блокироваться возможности захватывания государства, или, выражаясь словами Брушта, предложение захвата, начинает снижаться. В экономической логике это приводит к дефициту, так как спрос не снижается, что ведет к повышению цен на доступ к власти. В связи с тем, что механизмы захвата и платежи за них являются теневыми, коррупционными и ведут к дестабилизации сложившейся институциональной системы и искажению правил игры, логичным видится создание системы, в которой конкуренция фактически подменяется системной коррупцией во всех сферах общественной жизни⁴⁵.

Однако вторая стадия захватывания не является стабильной: сложившаяся коррупционная система не может обеспечить фиксацию определенного количества акторов или их групп, имеющих доступ к власти, к тому же данные группы будут являться гетерогенными, что обусловит внутреннюю конкуренцию во власти при отсутствии общей политической конкуренции. Это и станет индикатором *захвата государства*.

Захват государства (захват-состояние) характеризуется построением такой институциональной системы, при которой акторы обладают политической властью, административным ресурсом⁴⁶, при этом нацелены

---

⁴⁴ Таллок Г. Указ. соч.

⁴⁵ Нисневич Ю.А. Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительно-институциональный анализ // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Кн. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 511–520.

⁴⁶ Центр ТИ-Р. Итоговый доклад. Мониторинг злоупотреблений административным ресурсом в ходе федеральной кампании на выборах в ГД РФ в декабре 2003 г. М.: ПравИздат, 2004; Панфилова Е.А., Швердяев С.Н. Противодействие злоупотреблению административным ресурсом на выборах: проблемы и перспективы. М.: Де-Ново, 2005.

на получение максимальной экономической выгоды. Таким образом, государство и государственная система становятся инструментом извлечения ренты. Ю.А. Нисневич отмечает, что в такой ситуации *все ресурсы* государства становятся собственностью или попадают под захватнические намерения⁴⁷, что, как представляется, является несколько преувеличенным. В государстве, в котором произошла режимная трансформация, в связи с разрастанием прав и свобод, а также учитывая гетерогенность захвативших государство групп, тотальный контроль над ресурсами не может быть установлен, но избирательное функционирование системы защиты этих прав будет, безусловно, иметь место.

После совершения захвата административные возможности государства, в связи с подменой целей его функционирования (в случае ориентации на максимальную экономическую выгоду), а также нарушением системы представительства общественных благ, могут постепенно снижаться, что может привести уже к непосредственному захвату власти, выходу части территорий из-под контроля или свержению власти вкупе с инициацией новых, более качественно контролируемых реформ. А также, наравне с этим, может происходить кажущаяся в рамках рассмотренных теорий парадоксальной ситуация, при которой захват государства позволит за счет возможности регулирования конкуренции и своеобразного «отрыва» власти от общества сохранить целостность государства, сдерживать насилие, подготавливая его к дальнейшему развитию. Важно оговориться, что развитие может происходить в различных направлениях.

Как отследить захват государства

Несмотря на проведенную нами концептуализацию, приходится констатировать, что единое и универсальное средство для определения степени захваченности на данный момент найти чрезвычайно сложно (если вообще возможно), кроме того, важна, скорее, фиксация наличия захвата, а не его детальное измерение.

---

⁴⁷ Нисневич Ю.А. Коррупция как фактор снижения конкурентоспособности государства: сопоставительно-институциональный анализ // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 1. М.: НИУ ВШЭ, 2012. С. 511–520.

Обращаясь к ранее написанному, мы хотим подчеркнуть и ограниченность кросс-темпорального измерения захвата государства: ряд основных показателей, используемых в ранее представленных подходах, ограничен во временном плане, что не позволит, например, с большой точностью оценить степень (стадию) захвата в самом начале третьей «волны».

Еще одним ограничением, о котором следует говорить, является неприменимость концепта «захвата» к тоталитарным и авторитарным режимам. В терминологии составителей индекса Polity-IV к таким режимам будут относиться государства с индексом от -10 до -6 ⁴⁸. Закрытая автократия, по сути, есть уже захваченное государство, при этом подразумевается, что его режим относительно легитимен и легален⁴⁹. Утверждая данное, мы подразумеваем стабильную ситуацию отсутствия (или сугубо декоративного) политического плюрализма и конкуренции. В такой ситуации применение термина «захват» опять возвращает нас к пресловутому «срезовому» характеру, потере динамики исследуемого феномена. Кроме того, в данный ряд могут попадать государства, не прошедшие процесс режимной трансформации, что будет нарушать логику нашего концепта.

Возвращаясь к критике предыдущих концепций, мы не можем не отметить возможность их использования для фиксации определённых стадий захватывания и захвата государства. Так, для фиксации первичной стадии захватывания можно использовать концепцию Кауфманна и Хеллмана. Основным признанным источником данных для исследования является опрос BEEPS (Business Environment and Enterprise Performance Survey), проводимый Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР).

В логике Кауфманна и Хеллмана процессы экономического захватывания государства можно отследить:

- *по эффектам влияния* – если в данных по опросам фирм можно выявить усиление или изменение их влияния на государство (см. Приложение 2);
- *эффекту поведения* (в авторской терминологии – state capture⁵⁰) – если в данных опроса фирмы-респонденты отмечают, что совершали платежи в пользу государства (см. Приложение 2);

---

⁴⁸ См.: <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>.

⁴⁹ Хотя в данном случае легальность можно поставить под сомнение – часть нормативных правовых актов правовыми являться не будет.

⁵⁰ Очевидно, здесь авторский термин следует понимать как «скупка государства».

- *административной коррупции* – если в данных по опросам отмечалось, что были использованы механизмы прямых платежей для искажения правоприменения. Однако здесь стоит отметить, что наличие административной коррупции скорее говорит о наличии предложения захвата, что характерно для концепта Брушта.

Продолжая представленную логику, мы можем выдвинуть идею отслеживания *сдерживания захвата* как фиксации институциональных изменений, расширения гражданских свобод и увеличения степени подотчетности. Однако здесь требуются дополнительные усилия по концептуализации, например, можно отслеживать институциональные изменения, однако здесь вероятно возникновение следующей проблемы: в захваченном государстве институциональные изменения могут подчиняться логике удержания власти. Более перспективным видится метод отслеживания мер по увеличению прозрачности (в особенности законодательных процедур), а также мер, направленных на развитие конкуренции.

Тем не менее главной проблемой остается возможность отслеживания данной проблемы для максимального количества государств в длительных периодах, что весьма затруднительно, так как ставит исследователя перед выбором из двух троп: редукционистской в плане показателей и протяженной во времени, или сокращенной во временном отношении, но более точно позволяющей диагностировать стадию захвата.

Если говорить о рассмотренных подходах, то фиксация стадий захватывания видится более перспективной в логике Брушта, в которой будет фиксироваться предложение захвата: концентрация полномочий в отдельных ветвях власти, зависимость судебной власти, отсутствие подотчетности, эффективность антикоррупционных мер. Фиксация предложения захвата, как нам видится, будет фактически эквивалентна фиксации захвата, так как наличие возможностей изменения сложившегося рынка для фирмы-новичка не останется без внимания. Однако в этом подходе невозможно будет отметить использование существующих возможностей, скорее, можно будет с определенной долей условности говорить о возможности захвата.

Подходя к операционализации и говоря о процессах режимных трансформаций, необходимо отметить важность фиксации развития гражданских свобод, антикоррупционных мер, которые минимизируют риск захвата государства. Еще одним, крайне важным аспектом, будет фиксация контекста, так как изучение институционального дизайна и сделанные

выводы будут обладать высокой объяснительной силой наравне с серьезной погрешностью: отсутствие учета контекста (наполнения институтов акторами) делает затруднительным объяснение причин искажений в работе институциональной системы. Такой мерой по фиксации контекста может быть фиксация наличия или отсутствия *процессов люстрации*, на основе анализа которых можно сделать первичный вывод о наполнении властных институтов и доступу к формированию правил игры. То есть если после процесса демократизации доступ к институтам сохранился у функционеров предыдущего режима, то с большой долей вероятности новые правила игры будут достаточно нестабильными (хрупкими), а большую роль будут играть неформальные правила, подобные тем, которые существовали в предыдущем режиме⁵¹.

Именно поэтому для исследования созданного государства-левиафана и необходим подобный сложный конструкт. Вместо единого показателя степени захвата, который, скорее, будет подобен индексу, основанному на замере ценностей, мы предлагаем использовать аналитический конструкт, который выносим на обсуждение. В первую очередь следует отметить те факторы, которые можно зафиксировать на количественной шкале:

- *Наличие слабо закрепленных прав собственности.* Показатель можно отследить с помощью Индекса глобальной конкурентоспособности⁵² Всемирного экономического форума. При этом незначительное улучшение показателя при сохранении невысокого уровня развития институтов будет свидетельствовать об эффекте захвата, упоминаемого Кауфманом⁵³.
- *Отсутствие пакета антикоррупционных реформ* вкупе с сохранением высокого уровня коррупции. Косвенно данный показатель можно отследить с помощью Индекса восприятия коррупции⁵⁴, при этом если его значения сохраняются в диапазоне от 1 до 5, это позволяет нам судить о наличии системной коррупции, что также будет свиде-

---

⁵¹ Одним из примеров может служить Россия. См.: *Yakovlev E., Zhuravskaya E.* Op. cit.

⁵² См. подробнее: <http://www.weforum.org/reports>.

⁵³ *Hellmann J., Kaufmann D., Jones G.* Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. 2000. World Bank Policy Research Working Paper. No. 2444.

⁵⁴ Индекс восприятия коррупции рассчитывается Transparency International. См. подробнее: <http://cpi.transparency.org>.

тельствовать о наличии политической коррупции и, следовательно, высоком предложении захвата.

- *Гражданские свободы.* Для фиксации данного показателя можно использовать исследования Freedom House⁵⁵, из которых надо выделить «гражданские свободы» и «политические права». Несмотря на автокорреляцию между двумя данными показателями, снижение прав и свобод будет свидетельствовать об усугублении захвата.

- *Институционализированность демократических и авторитарных институтов.* Данный показатель оценивается по индексу Polity-IV. Государства, в которых происходит процесс захвата, будут находиться в рамках значений для анократических режимов (–5; 5).

- *Нестабильность политики.* Данное значение предлагается также выделить из исследования глобальной конкурентоспособности. Данный показатель может свидетельствовать об изменении целей государственной политики и направлении ее в русло удовлетворения корпоративных интересов.

- *Также факторами, с помощью которых можно диагностировать захват государства, являются:*

- *Невысокий уровень развития экономики.* Показатель можно отследить с помощью Индекса глобальной конкурентоспособности⁵⁶ Всемирного экономического форума (экономика находится в стадиях 1–3 – от factor-driven economy до efficiency-driven).

- *Отсутствие процессов люстрации.* Данный показатель может свидетельствовать о наличии риска провала процессов демократизации и установления старой системы интеракций в неформальном поле, что приведет к всплеску политической коррупции.

- *Резкий спад экономических реформ или так называемый эффект победителя⁵⁷, демонстрирующий переход политических акторов к фиксации текущего положения.* Это позволит судить о начале ограничения доступа во власть (при условии отсутствия сдерживания коррупции, слабых институтах), переходу к получению ренты.

---

⁵⁵ Freedom house. Freedom in the world (<http://www.freedomhouse.org/report-types/freedom-world>).

⁵⁶ См. подробнее: <http://www.weforum.org/reports>.

⁵⁷ *Przeworski A.* Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. Cambridge University Press, 1991.

- Отсутствие или недостаточная институционализация лоббизма, что позволяет использовать теневые механизмы, находящиеся в концептуальной области политической или верхушечной коррупции.

Заключение. Захват государства, доступ к власти и институты

Интерес к исследованию аспектов функционирования государств, переживающих или уже прошедших процессы режимных трансформаций, продолжает сохраняться и по сей день, требуя все более и более скрупулезных исследований, уточнения ранее выработанных теорий. Тем страннее кажется отсутствие и критического переосмысления последствий процессов захвата государства, коррупции, государственной несостоятельности.

В представленной статье мы вынесли на обозрение детализированный подход к захвату государства, понимая его не только как сугубо экономическое явление, но и как процесс, независимо начинающийся в двух сферах и в дальнейшем объединяющийся. Мы принципиально старались отойти от редуционизма и морализаторства, а нацеливались на возможности поиска диагностических показателей, позволяющих зафиксировать захват.

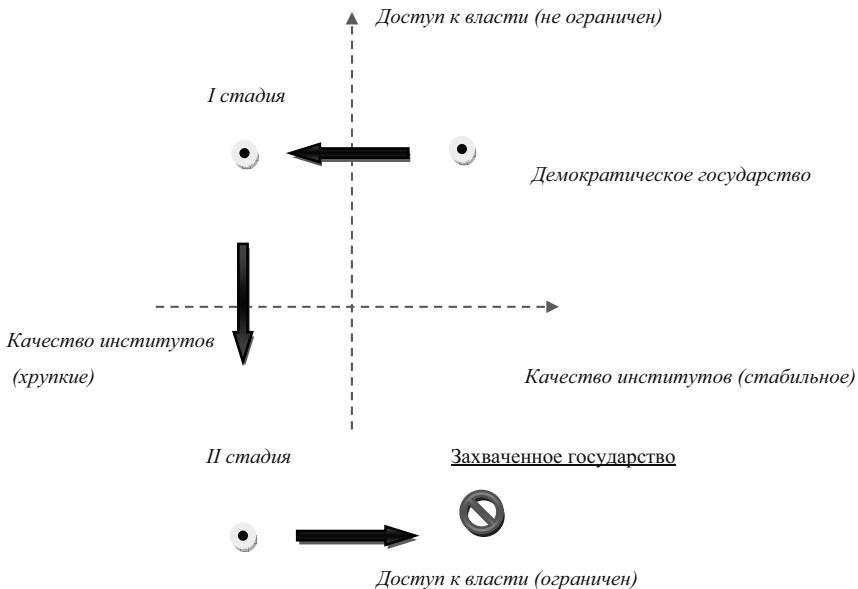
При этом мы настаиваем, что *state capture* не может пониматься исключительно в «срезовом» характере, он состоит из трех четко выраженных стадий, в конце, без должного сдерживания и противодействия, приводящего к финалу – государство не служит изначально заявленным целям, а реформы приводят к неожиданным результатам.

Все рассмотренные подходы так или иначе, в большей или меньшей степени, затрагивали два основных фактора, которые мы считаем крайне важным артикулировать в нашем концепте: *доступ к власти и качество институтов*. Эти факторы имеют метахарактер и включают в себя другие, меньшие по объему явления, коррупцию, конкуренцию, разделение полномочий. Таким образом, мы можем предложить наглядную модель процесса захвата (рис. 1).

Данная схема демонстрирует и ключевой аспект, являющийся наиболее слабым в предыдущих теориях, а именно понимание захвата государства как сугубо негативного явления и нестабильного состояния. Мы

же на основе ранее сделанного анализа утверждаем, что ограничение конкуренции за счет изменения базовых правил игры может снижать качество институтов в процессе *захватывания*, но затем ситуация стабилизируется, когда доступ к власти имеет та группа, которая смогла «выдавить» конкурентов за счет форматирования конкуренции. Таким образом, выстраивание государства-левиафана вследствие режимных деформаций может привести к последствиям различного характера: как положительным, так и отрицательным.

Рис. 1. Модель процесса захвата

Приложение 1. Регрессионный анализ данных об экономических реформах, развитии гражданских свобод и связь их с захватом государства⁵⁸

Table 12: Regressions of State Capture versus Liberalization

Dependent variable	Countries in sub-sample	Independent variables				F ²
		Civil liberties	(Civil liberties) ²	Economic reform	(Civil lbs) x Reform	
Extent of state capture	22	0.010 (0.529)	—	—	—	0.014
	22	0.336** (4.08)	-0.044** (-4.02)	—	—	0.467
	22	0.320** (4.19)	-0.049** (-4.690)	-0.136* (-2.083)	—	0.571
	22	0.512** (4.30)	-0.062** (-4.51)	—	-0.033* (-1.93)	0.559
	22	0.324 (1.08)	-0.049** (-2.10)	-0.001 (-0.02)	-0.133 (-0.69)	0.571
Extent of state capture	20 ^a	0.049** (2.33)	—	—	—	0.232
	20 ^a	0.470** (2.48)	-0.066** (-2.32)	—	—	0.406
	20 ^a	0.359* (1.93)	-0.056* (-1.97)	-0.143* (-1.87)	—	0.513
	20 ^a	0.559** (3.07)	-0.066** (-2.40)	—	-0.044* (-1.91)	0.516
	20 ^a	0.492 (1.22)	-0.062* (-1.82)	-0.049 (-0.19)	-0.030 (-0.38)	0.517

a. The smaller sample excluded Belarus and Uzbekistan.

** significant at 5% level; * significant at 10% level

T-statistics in parentheses.

⁵⁸ *Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. 2000. World Bank Policy Research Working Paper. No. 2444. P. 23.*

Приложение 2. Переменные, использованные в BEEPS⁵⁹

Table A2: Definitions and summary statistics for the variables used in the econometric analyses

Variable	N	Sub-Category	Table Number	Variable definition (question in the BEEPS survey)	Min	max	mean	Standard Deviation	Number of Observations
Dependent variables									
Sales (previous 3 years)	1		8,9,10	By what percentage have your company's sales changed in real terms over the previous 3 years?	-90	900	15.6	71.3	3492
Sales (next 3 years)	2		8,9,10	By what percentage do you expect your company's sales to change in real terms over the next 3 years?	-95	800	24.6	54.6	3426
Investment (previous 3 years)	3		8,9,10	By what percentage has your company's investment changed in real terms over the previous 3 years?	-100	999	15.6	72.2	3484
Investment (next 3 years)	4		8,9,10	By what percentage do you expect your company's investment to change in real terms over the next 3 years?	-100	900	16.9	50.6	3423
Change in the security of property and contract rights	5		11	How has the security of property and contract rights changed over the previous three years? -1 worsened, 0 no change, 1 improved.	-1	1	.075	0.71	3062
contract rights	6		4	What percent of revenues do firms like yours typically pay per annum in unofficial payments to public officials?	0	0.25	0.03	0.05	2689
Administrative corruption	7		4	When a new law, rule regulation of decree is being discussed that could have a substantial impact on your business, how much influence does your firm typically have with the executive, legislative, ministry and regulatory branches of government to try to influence the content of that law, rule regulation or decree? Each was ranked on a scale 1 never influential, 2 seldom influential, 3 influential, 4 frequently influential, 5 very influential. How often do firms like yours need to make extra, unofficial payments to public officials to influence the content of new laws, decrees and regulations? 1 never, 2 seldom, 3 sometimes, 4 frequently, 5 mostly, 6 always.	1	5	1.4	0.8	2421
State capture	8		4		1	6	1.3	0.9	2874
Independent variables									
Sector	9	Mining Services	8,9,10	No subcategories.	0	1	0.01	0.09	3623
	10		8,9,10	Firms describing themselves as trading/wholesale, retail, transport, financial services, personal services, business services	0	1	0.49	0.50	3623
	11	Manufacturing	8,9,10	Firms describing themselves as farming/fishing/forestry, manufacture/repair, building/construction, power generation.	0	1	0.50	0.50	3623
Size	12	Small	4,8,9,10,11	Firms with less than 50 full time employees.	0	1	0.47	0.50	3624
	13	Medium	4,8,9,10,11	Firms with between 50 and 500 full time employees.	0	1	0.44	0.50	3624
	14	Large	4,8,9,10,11	Firms with more than 500 full time employees.	0	1	0.09	0.27	3624
Origin	15	De Novo	4,8,9,10,11	Firms with no state owned predecessor.	0	1	0.55	0.50	3526

⁵⁹ *Helmann J., Kaufmann D., Jones G.* Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. 2000. World Bank Policy Research Working Paper. No. 2444. P. 35

Препринт WP14/2012/07

Серия WP14

*Политическая теория
и политический анализ*

Воробьев Антон Николаевич

**Левиафан поневоле: захват государства
как следствие режимных деформаций**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета
Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,7
Усл. печ. л. 1,6. Заказ № . Изд. № 1538

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»